

Татьяна Травкина ещё раз оглядела дочь Алину, собравшуюся в школу. Лёгкая тёмно-синяя болоньевая курточка на синтепоне, чёрные обтягивающие рейтузы, красная вязаная шапочка, из-под которой вылезала толстая русая коса. На ногах лыжные ботинки, за плечами рюкзак с книгами, тетрадами, юбкой и лодочками для переодевания. Во взгляде матери сквозит тревога и острая озабоченность. На улице мороз под 20 градусов, считай, ночь (стрелки часов показывают 5.30), а дочери одной-одинёшеньке идти на лыжах из Миловидова четыре километра через метельное поле, через тёмный лес. Хорошо ещё, что вдоль давно не езденой, колдобистой дороги Алина с отцом накатала лыжню до соседнего села.

Начались эти мучения с того дня, как сломался школьный автобус-доходяга, который заезжал за Алиной. Пока суть да дело, запчасти и прочее, прошла неделя. Потом заболел шофёр, а замены не нашлось. Некогда из Миловидова ходил рейсовый автобус, но районные власти сократили маршрут, отрезав немногих жителей деревни от «большой» земли.

Но там, куда дочь прибежит, её ждут не тёплые, хорошо протопленные классы, не подруги-одноклассницы, а старый насквозь промёрзший рейсовый автобус, еле-еле плюхающий в районный центр. Он почти пуст, но сесть на сиденье и чуточку отдохнуть после лыжной гонки невозможно: оно так холодно, что, кажется, к нему примёрзнешь. Автобус часто ломается, и не факт, что придёт вовремя и появится ли вообще в промозглой морозной дымке, скупо светящий фарами с грязными стёклами. И тогда предстоит нелёгкий выбор: возвращаться домой

или всё-таки бежать в школу ещё десять километров, надеясь на глупое счастье, что тебя подберет какая-нибудь попутка.

– Доченька, может, сегодня останешься дома? Ну куда в такой-то мороз?

– Нет, мама, надо. Да и Димке нужно принести задания на дом.

Димка, второй ребёнок в семье, первоклассник. С ним Татьяна сама занимается. Татьяна проводила бы дочь до рейсового автобуса, но есть ещё четырёхлетняя Наташка, её не оставишь одну с сыном. Дом ненадолго вдруг спалят. На деревне нет ничего ужаснее пожара. «Погорельцы» – слово-то горькое какое.

– Ох, ох, ох! – причитает Татьяна, охваченная потоком грустных мыслей.

– Надо бы перейти на удалёнку, но у нас нет компьютера, – дальше рассуждает не по годам взрослая Алина.

Слышала, слышала Татьяна про это модное нынче онлайн-обучение, придуманное из-за злобного коронавируса. Слово «компьютер» прозвучало как упрёк. Алина поправилась:

– Даже был бы компьютер, я всё равно ходила бы в школу, – успокоила мать дочь. – Без общения с подругами, без ответов на уроках у доски я быстро одичаю и покроюсь мхом, как старухи нашей деревни.

«Ох, умна и рассудительна», – думает Татьяна о шестнадцатилетней дочери, и сквозь тревогу прорывается, словно молния сквозь хмурые облака, чувство гордости за дочь. Красива, смела, работяща. И то верно: оденься не так, скажи не эдак, как ныне принято у молодых, засмеют. Мало того, приклеят обидное прозвище, всю жизнь не отмоешься. Нет бы руки у них вставлены были, как надо для труда, да только востра на язык молодёжь-то. Алина молодец, грех жаловаться! Всё-то она успевает: и матери по хозяйству помогает, и уроки учит, и первая в школе, несмотря на отсутствие всяких там дорогих репетиторов. И правду сказать: откуда у мужа деньги, если ему не только компьютер, а подержанный мотоцикл не на что купить. А без него он мучается с лыжами и велосипедом, на котором, как только сойдёт снег, гоняет в соседнее большое село на пилораму. Он ушёл ещё раньше Алины. Отец мог бы провожать Алину по утрам, но пилорама в другой, противоположной стороне от Миловидова.

Мать с дочерью открывают входную дверь, обитую дерматином с ватой, и тут же из холодных сеней в избу влетает белёсый туман холода. Алина берёт деревянные лыжи, дюралевые палки, и они выходят в морозную темь. Татьяна, накинув на плечи засаленную телогрейку, провожает дочь до калитки, читая про себя молитву. «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помоги моей Алине. Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помоги моей Алине. Господи, спаси и сохрани её в дороге от вора-грабителя, от зверя-губителя, от колдуна, от колдуницы, от сглаза, от сказа, от нечистой силы. Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Много лихих людишек развелось даже здесь, в их глухих местах.

Алина быстренько, чтобы не замёрзнуть, засунула ботинки в крепления, накинула дужку на гребешок, поерзала ногами, проверяя плотность сцепления.

– А вдруг волки нападут? – ноет сердце матери.

– Палками отобьюсь, – отвечает, улыбаясь Алина, и поднимает лыжные палки, – смотри, какие острые.

– Если было бы так легко, людей не грызли бы. Нынче и волкам голодно.

– Сегодня я вернусь поздно: сегодня – лыжная секция, – не обращая внимания на тревогу матери, сказала дочь.

«Значит, опять затемно вернётся, опять будет ныть сердце в ожидании мужа и дочери». Татьяна перекрестила Алину. Та махнула рукой и покатила. Быстро, уверенно. В ночной тиши долго раздавалось цоканье палок, втыкаемых в морозный плотный снег. Татьяна долго вглядывалась в темноту. Она была уверена, что её думы о дочери помогут ей, спасут от беды.

На дворе январь. Вокруг ни единого огонька, ни лучика света из окон домов спящей деревни. Да откуда огонь-то, одни пенсионеры, бывшие ударники колхозного социалистического труда, остались. Спят они тяжёлым сном. Лишь сон, зачастую вечный, заслужили они в прихлынувшем нежданно-негаданно капиталистическом раю. Была в их деревне совхозная ферма крупного рогатого скота, и добрая половина деревенских женщин доили коров, ставя рекорд за рекордом. Жили не тужили. Участвовали в соревнованиях по дойке. Выигрывали не только районные и областные, но и всесоюзные. Объездили весь Союз. Один раз попали в Венгрию и там не оплошали. Стены в их домах сплошь увешаны дипломами да почётными грамотами. Да толку-то в этих листочках. Они не кормят и не поят. Да никто из бывших колхозников не просит за них куска хлеба с колбасой. Лишь бы уважали.

Уважения к ним как раз и нет. С тех пор как живёт Татьяна здесь, дорогу до деревни Миловидово, находящейся в тупике, не ремонтировали 30 лет. Когда-то здесь была начальная школа, был фельдшерско-акушерский пункт, была конечная остановка автобуса, идущего в районный центр. Было, было, было, да больём поросло. Хорошо хоть зимой дорогу чистят для школьного автобуса и автолавки, которая три раза в неделю привозит им хлеб и, как говорится, продукты первой необходимости. Татьяна догадывается, как школьное начальство чертыхается, когда автобус надо посылать за одной девчонкой в непролазную даль-дальнюю. «Господи, тяжело-то как!»

Татьяна запрокинула голову и уставилась в небо. Полная луна тихо лила свет на заснеженные окрестности. Нет, недаром говорят, что в деревне небо ближе, чем в городе. «Матушка луна, освети дорогу моей доченьке. Сохрани её, мою кровиночку!» При каждом проходе дочери сердце матери обрывается вниз снежной лавиной.

Резкий озноб вдруг прошил всё тело Татьяны, и она поспешила вернуться в дом. Наташка крепко спала, раскинув ручонки в стороны, одеяло съехало с плеч. Мать поправила его и посмотрела на сына. Тот, в отличие от Наташки, закутался с головой. «Господи, какая прелесть эти дети, как они скрашивают жизнь. Только с ними, слушая их лепет или отвечая на наивные вопросы, забываешь тяготы жизни, все неприятности: нехватку денег, тяжёлый труд на огороде, разбитую и грязную дорогу, отсутствие медицинской помощи. Всё, всё!» Но Татьяна вдруг устыдилась этих мыслей. Не слишком ли она эгоистична, думая о радости, которую приносят дети. Она нарожала их для собственного удовольствия? Сможет ли она, смогут ли они с мужем дать им достойное образование, найти работу, чтобы дети благодарили их? Не будут ли они ругать её? Что может дать умирающая деревня? Ничего! Зацепок за город нет никаких. Если Алина и поступит в вуз, то в общежитии места нет. Чтобы попасть в него, надо выстоять очередь. Жить на съёмной квартире? Утопия!

Она не стала снимать одеяло с головы сына, боясь разбудить, и почувствовала, что в детской прохладно. Татьяна пощупала чугунную ба-

тарею отопления. «Надо жить, детей надо растить, дом топить, курам задать корму». Татьяна размельчила яичную скорлупу, собрала кой-какие съестные отходы и вышла в сени. Набрала в помятую миску несколько горстей пшеницы из мешка и пошла в рубленый сарай. Когда-то здесь был хлев, была корова, но состарилась и перестала давать молока. Новую купить не под силу... Куры дружно слетели с нашеста и лезли под ноги. Татьяна улыбнулась: приятно, что тебя ждут, что ты нужна.

Теперь топить. На кухне она открыла крышку подпола, спустилась по лестнице на пару ступенек и тщательно надвинула крышку на место. Вдруг дети проснутся, побегут на кухню и свалятся в подпол. Щелкнул выключатель, электрический свет залил помещение, тёплое и высокое. В середине стояла низкая кирпичная печь, с вмонтированным в неё котлом. Сухой горбыль лежал рядом, каменный уголь чернел в стороне в бурте за деревянной оградкой.

Пока дрова разгорались (слава богу, что мужу горбыль выписывают дешево), Татьяна, глядя на огонь, задумалась. Часто люди цепенеют при взгляде на него, словно он некое чудище, то злое, то доброе. Лесопилка – единственное место для работы местных мужиков. Раньше в колхозах-совхозах работали, а сейчас вместо них лесопилки. Раньше на всю область две-три лесопилки было, а сейчас в каждом районе, даже степном, их как грибов после дождя. Муж на одной такой с громким названием ООО «Ершов и компания». «На Ершовской лесопилке я жую опилки», – так шутя отзывался муж о своей работе механиком. Просил он у Ершова разрешения, чтобы немного опаздывать на работу ради проводов дочери. Не разрешил. Грозился лишить премии или уволить. Сейчас безработных в районе пруд пруди. Работу трудно найти даже специалисту.

Миловидово – не Татьяна родная деревня. Родина её – сиротский дом. Грамоты на стенах заслужила приёмные мать и отец. Мало того, они были ещё награждены орденом Ленина за доблестный труд. Мама – доярка, отец – механик МТС. Татьяне сильно повезло, что супружеская бездетная пара удочерила её в начале 90-х. Тогда будто Мамай прошёл по стране. Закрывались из-за недостатка денег детские садики, ясли, такой, как у неё, приюты. Пацаны побойчее убегали из детских домов, и никто их не искал. Может, даже радовались, что исчез лишний рот. При советской власти её не отдали бы этой паре – за пятьдесят им было. Стары для приёмных родителей.

Так Миловидово стало родным местом. Татьяна вспомнила скрюченные артритом от дойки пальцы мамы (она без всякого принуждения так называла свою спасительницу) и всплакнула. Последние перед смертью годы маму мучила паховая грыжа. Понятное дело: всю жизнь с подойниками да с тяжёлыми вёдрами, вот брюшина и не выдержала. До малейших подробностей Татьяна представила не раз виденную картину. Мама ставила на табуретку правую ногу, ту, с стороны которой вылезала грыжа с кулак величиной. Прижималась животом к ноге. Так она заставляла грыжу вползать обратно. Мама терпела, не хотела никого беспокоить. Никто не узнал, когда защемило грыжу. Скорая помощь приехала через два часа. «Весна, бездорожье», – оправдывался фельдшер со скорой. Увезли её в районную больницу. Но кто же в ней был способен бороться с гнойным перитонитом, когда не только путных хирургов, но и обычных терапевтов не хватает.

Приёмные родители были старообрядцами, и это многое объясняет. Они, прожив вместе шестьдесят лет, обращались друг к другу по имени-отчеству: Валентина Никандровна да Павел Иванович. Отец ненадолго

пережил маму. Тосковал и таял на глазах. Как поставил памятник, устроил могилу, так и умер. Видно, заранее спланировал свою смерть.

Ах, каким же умельцем был Павел Иванович, как ловко он устроил отопление дома. И всё сделал своими руками – золотыми руками, способными на монтаж всяких технических новинок и хитростей. В тот год, когда Таня только-только появилась в их доме, отец монтировал отопление. Муфты, сгоны, гайки, отводы, гаечные ключи. Таня помогала ему, подавала то, что он попросит, и сердце её наполнялось гордостью и спокойствием за свою дальнейшую жизнь. Выучилась на учительницу начальных классов, работала в деревенской школе. Теперь без работы.

Мысли Татьяны вернулись к отцу. Павел Иванович втягивал её в работу, учил творчеству, которое напрочь отсутствовало в детдоме. Отец, кажется, знал всё и вся и мог ответить на любой вопрос. «Даже при топке котла есть свои тонкости», – говорил он. И объяснил Татьяне, что, прежде чем кинуть уголь в топку, его надо немного смочить.

Она подняла лейку с водой, и та показалась неподъёмной. Жар горячей волной обдал всё её тело. «Что со мной?» – задалась Татьяна нелёгким вопросом. В печи весело трещали дрова, и вначале подумалось, что это жар из печи опалил её. «Что ж такое-то, почему я вдруг так ослабла?» – повторно спросила она себя, но продолжила своё дело. Совковой лопатой захватила мелкий уголь и кинула в топку. Тело ныло, будто избитое, и страшная догадка прояснила сознание. В критические минуты интуиции можно доверять.

Две недели тому назад в их бесперспективную, заброшенную деревню пробился после сильного снегопада медицинский фургон с вакцинами от коронавируса. Ражий мужик в противочумном костюме вылез, как призрак, из машины и забегал по дюжине жилых домов. Определить их легко: к ним вели тропинки, пробитые в высоких сугробах. «Свят, свят», – крестили лоб старухи и редкие старики, увидев это чудище.

– На прививку, на прививку, – кричал он зычным голосом, – соби-райтесь живее.

– Детей не пугай! – сурово предупредила его Татьяна, когда он появился на пороге избы. – И зачем нам прививаться? – возразила она. – Мы ж не городские, мы по границам не ездим, откуда в глухой деревне вирус?

– Умнее всех, что ли? – зло спросил санитар. – Не возражать, а то и детей привьём.

– Ну-ка, попробуй, – Татьяна взяла ухват и выставила его как винтовку со штыком, сверкнув серо-зелёными глазами.

– Ладно, уймись кержачка чёртова, – примирительно согласился санитар, – а ты собирайся.

– Ты мне не тыкай, холуй медицинский!

Мужик скрипнул зубами и вышел.

Перед фургоном собрались старики и старухи. Всех моложе была Татьяна.

– Что будем делать? – спросила она односельчан.

– У них план по прививкам, – сказал самый мудрый Кондрат.

– Нам-то какое дело до этого плана? – возразила Татьяна. – Ведь прививка – это заражение этим вирусом, только в малом объёме, чтоб, значит, организм выработал иммунитет. Но где мы можем заразиться? И от кого? В деревне-то тридцать жителей.

– Ты, Татьяна, самая грамотная из нас. Как скажешь, так и будет.

Видимо, почувствовав неладное, из фургона вышла медицинская сестра. Осмотрев возбуждённых крестьян, она выдала:

– Глава района просил вам передать, если вы все привьётесь, то до вашей деревни отремонтируют дорогу и пустят рейсовый автобус.

Старики и старухи потянулись к фургону. Татьяна привыкла подчиняться большинству и пошла за всеми, и заметила, что бабки Анфисы, слывшей среди односельчан колдуньей, нет.

– Все? – строго спросил мужик в страшном костюме.

– Все! – за всех громко ответила Татьяна.

Соседка Дарья открыла было рот, но Татьяна ещё раз и ещё громче подтвердила:

– Все!! – И строго посмотрела на Дарью.

Та опустила глаза...

Из подпола Татьяна еле выползла. Озноб сотрясал всё тело. В горле будто насыпали красного перца. Дети ещё спали. Она поблагодарила Бога, что они не проснулись. Поставила градусник. Он выдал нечто несусветное – 39,5. Такой температуры у Татьяны в жизни не было. Что делать? Детям готовить завтрак! Намыла картошки, поставила на керосинку, опустила в кастрюлю три яйца. Через силу, еле передвигая ноги, принесла из погреба квашеной капусты да солёных огурцов. Разбудила сына.

– Следи за картошкой, – с трудом ворочая языком, прошептала Татьяна и рухнула на кровать. – Я немного полежу, – проваливаясь в горячечный бред, добавила она.

– Мама, мама! – испуганно закричал сын.

Крик Димы вернул Татьяну в сознание.

– Отцу пока не звони, а то примчится.

Проснулась Наташка и захлюпала носом:

– Мама, мамочка, что с тобой?

– Заболела я, дочка, – Татьяна встала с постели и доковыляла до шкафа, где лежали лекарства. Нашла аспирин. Выпила.

– Давай, Димка, корми сестру да сам поешь.

– А ты будешь кушать?

– Нет, я полежу.

И опять провалилась в горячке.

К шести вечера вернулись Алина и муж Андрей. Татьяна бредила. Руки лихорадочно двигались по одеялу, будто пытались отыскать на нём нечто безвозвратно утерянное. Андрей положил холодную от мороза руку на лоб жены. Вздрогнул от жара, исходившего от неё. Татьяна очнулась.

– Надо вызвать скорую, – скорее вопросительно, чем утвердительно произнёс Андрей.

– Не надо! – решительно возразила Татьяна, – ни за что. Там меня уморят!

– Что же делать-то? – растерялся Андрей.

– Алинка, сбегай к бабке Фисе. Травнице, знаешь?

– Так она ж колдунья!

– Не суди о том, чего не знаешь. Беги!

– На деревне все так говорят, – смущенно попыталась оправдаться Алина.

– Вы ко мне не больно-то лезьте: заболеете, не дай бог, от меня, – будто не слыша слов дочери, добавила Татьяна.

Бабка Анфиса, худенькая юркая старушка с пронизывающим взглядом серых глаз на морщинистом лице, ласковыми руками и ангельским голоском, осмотрела Татьяну, как заправский доктор.

– Погодить-ко, сейчас сбегая домой и принесу травку. Хорошая травка, лечебная, – речь её журчала лесным ручейком.

Вскоре она принесла пяток полотняных мешочков с травами. Объяснила Андрею, как и когда их заваривать, как и сколько настаивать и принимать. Алина и Андрей внимательно внимали рекомендациям.

– Бабуль, а вы привились от коронавируса? – спросил Андрей.

– Я что, дура, что ли? – задорно ответила она. – Надумана вся эта зараза. Вот погодите, случись в России что-то более важное, забудут эту заразу, как дурной сон. – И добавила: – Всё запомнил? И чтоб в печи всегда была горячая вода. Понял?

Андрей неуверенно пожал плечами.

– Баба Фиса, я всё запомнила, – отозвалась Алина.

– Вот умничка! – похвалила та. – Знаю, знаю, что тебе, Андрюша, надо работать, иначе без кормильца-то как жить?

– Баба Фиса, я за мамой поухаживаю, – горячо откликнулась Алина.

– Нет, милая, мне-то делать нечего, посижу сама да Богу помолюсь за твою мать. Богоугодное это дело, людям помогать. У тебя жизнь впереди, а без учёбы пропадёшь.

Бабка заварила какую-то неведомую травку и напоила Татьяну, подложив ей под голову сухонькую ладошку.

– Пей, милая, пей! Легче станет!

– Спасибо тебе, баба Фиса, – горячо поблагодарил Андрей, – мне в самом деле нельзя брать больничный. Никто его не оплатит, а меня выгонят с работы.

– Это мироед Ершов, что ли? – уточнила бабушка.

– Он!

– Бога не боится. Совсем распоясался от безнаказанности. Ну, я пойду, сынок. Завтра чуть свет приду.

Потянулась дни, наполненные отчаянием, надеждой, бредом Татьяны и ласковой заботливостью родных и бабушки Фисы. Через неделю Татьяна могла вставать, но слабость не давала ей выполнять домашнюю работу. Однажды Андрей остался дома.

– Уволили? – односложно спросила она, замерев в ожидании нового удара судьбы.

– Ты не поверишь. Позавчера глава районной администрации, объезжая район, завернул к нам на пилораму, у него забарахлила «Волга». Встала как вкопанная. Ершов попросил меня разобраться. Я нашёл причину, и мотор заработал. Глава предложил мне работу в гараже администрации. У них там собрался на пенсию механик. Сегодня побегу оформляться. Теперь с Алиной будем вместе ездить в районный центр.

– Господи, Господи, спасибо тебе!

А про себя подумала: молитвы бабы Фисы, наверное, помогли. Будто камень свалился с сердца, и Татьяна с облегчением заплакала. В это время в избу вошла бабушка-спасительница.

– Поплачь, милая, поплачь. Очисти душу. Будет у вас всё хорошо. Верь мне.

– Верю, верю!

Слёзы побежали ручьём...

Через две недели объявили о начале специальной военной операции. Волнений для сердца Татьяны прибавилось. Год прошёл, другой проходит, а дорогу до деревни не отремонтировали. Зато нанесли на остатки асфальта белую осевую линию.